

О правоохраняемых духовно-нравственных ценностях, которые конституционализируют жизнь каждого человека и народа

правоохрана; человек; народ; ценность; духовность; нравственность

Б. А. Осипян

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоуедения при Правительстве Российской Федерации

«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»

Библия. Новый завет. Матф., 16:26

Любая истинная и непреходящая ценность представляет собой действующую невидимую, но зримо проявляющуюся реальность, которая формирует душу человека и координирует его поведение в том или ином направлении, мере или силе согласно его потребностям и желаниям. Ценность как таковая понимается как нечто благое, доброе и полезное в представлении определенного человека в определённое время и в определенных обстоятельствах. Духовно-нравственные ценности представляют собой объективную реальность, которая связана с первоисточником всякого духа и жизни – Богом, со смыслом и достоинством человеческой жизни, абсолютным, вечным и бесконечным. Как показывает история человеческого рода, именно эти надлежащие и высшие ценности предопределяют долговременные цели и принципы жизни каждого человека и народа, формируют его нравственно-психологическую и государственно-политическую конституцию,

которые отражаются в их законодательстве и правилах их повседневной жизни.

Смысл жизни и духовной ценности, как корень дерева, сам по себе невидим, но проявляется в плодах реальной жизни и определяет ветвистую иерархию остальных ценностей жизни. Размышляя об истинных ценностях человеческой жизни, св. Иоанн Златоуст говорил: «Если бы нас вели на смерть, а потом предложили бы избавиться от смерти ценою всего нашего имущества, мы, конечно же, почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути в геенну и могли избавиться от нее пожертвовав половиной имения, мы соглашаемся лучше подвергнуться мучению и хотим удержать у себя то, что нам не принадлежит, и таким образом истинно нам принадлежащее. Какое же оправдание мы будем иметь, какое прощение, если нам предложен столь удобный путь к жизни, а мы носимся по стремнинам, идем путем бесплодным, лишая себя и здесь и там, тогда как могли бы верно приобрести все и там и здесь?»¹. «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным, – говорил св. апостол Павел. – Мы ничего не принесли в мир; явно ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сети и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу»².

«Всегда выше ценится то, – говорил св. Августин, – ради чего что-либо делается, чем то, что делается ради другого»³. Ввиду того, что содержание смысла жизни каждого человека зависит от его призвания и личных особенностей, а также условий его жизни, система его ценностей (экзистенциальных, творческих, социальных) у каждого человека также своя субъективная. При этом мера действительных, актуальных ценностей каждого человека определяется в первую очередь силой его внутреннего и свободного влечения к абсолютному благу его жизни, из которо-

¹ *Златоуст Иоанн*. Избранные творения. Беседы о Евангелии от Иоанна Божьего слова. В двух томах, М., 1993. Книга 1. С. 263.

² Библия. Новый завет. 1 Тит. ,6:9.

³ *Августин*. О граде Божием. Минск-Москва, 2000. С. 310.

го проистекает всякий смысл, путеводительные ценности и нормы его жизни, которые для него имеют обязательный или координационный характер.

Представляется, что основным парадоксом всех времен и народов является преклонение и переоценка большинством людей всего того, что видимо, очевидно и производно. Привычка потребительского отношения людей к вещам приводит их к тому, что, как правило, наслаждаясь очевидными плодами определенного дерева, они меньше всего придают значение его невидимым жизнедающим корням, которые для них нежеланны, непонятны и неудобоваримы. Между тем все дерево держится, питается и плодоносит именно благодаря своим невидимым корням. Такое же парадоксальное отношение люди нередко имеют и к Богу – Создателю их и всего остального видимого и невидимого мира, к чувству любви, веры, человеческому достоинству, призванию, назначению и смыслу жизни.

В этом аспекте не трудно предугадать смысл следующих строк Евангелия: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все (т.е. пища, одежда, жилье и т.д.- Б.А.) приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня заботы своей»¹. Обращая наше внимание на определённую градацию жизненных ценностей и целей, Священное Писание призывает каждого: «Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа, не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»². «Душа не больше ли пищи и тело одежды»³. «Из всего видимого, – писал св. Августин, – величайшее есть мир; из всего невидимого, величайшее есть Бог. Что существует мир, это мы видим; что есть Бог, этому мы верим»⁴. По убеждению св. Давида, сына Алавика, автора армянского Судебника 1130 года, Бог есть первообраз бла-

¹ Библия. Новый завет. Матф., 6:33-34.

² Библия. Новый завет. Матф., 6:21.

³ Библия. Новый завет. Матф., 6:25.

⁴ *Августин. О граде Божием. Минск-Москва, 2000. С. 514.*

га¹. И. Кант также полагал, что, высшее благо возможно только при существовании Бога, а вера необходимо связана с возможностями высшего блага².

Для любого человека самой большой ценностью является его сердце, которым он становится способным любить, верить, надеяться, чувствовать и осознать самое важное в его жизни, совершать самые главные дела, на которые он только способен, как бы ни были «узкие врата и узок путь, ведущие в жизнь»³. О высшей ценности чистого и доброго человеческого сердца в Священном Писании говорится следующее: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня»⁴. «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источник жизни»⁵.

Если серьезно задуматься о самых ценных и достойных плодах творческого гения человека нашей эры, т.е. с момента явления Христова в мир человеческий, то нетрудно обнаружить, что наиболее значительные по своему животворящему воздействию произведения литературы, науки, живописи, музыки, искусства и культуры воплощают собой Дух и образ Божий во Христе Иисусе, Который находился в эпицентре всех остальных проявлений общечеловеческой жизни. Именно Он явился чудесно отмеренной видимой мерой духовного преображения и самоутверждения каждого и всех, кто с проверенной верой и преданностью следует своему призванию, осмысленной жизни, духовному освобождению и спасению.

Итак, источником всех объективных и создаваемых людьми ценностей является Бог, познание и сознание Которого является высшим благом для сердца и разума каждого богообразного существа. «Ибо всякое творение Бога хорошо, и ничто не предосудительно, если принимать с благодарением»⁶, и потому нельзя

¹ Статья 1 предисловия к Книге канонов. По кн.: *Авакян Р. О.* Памятники армянского права. Ереван, 2001. С. 102.

² *Кант И.* Сочинения. В шести томах. М., 1963–1966. Т. 4(1). С. 41.

³ Библия. Новый Завет. Матф., 7: 14.

⁴ Библия. Ветхий Завет Псалмы. 50:12.

⁵ Библия. Ветхий Завет. Притчи, 4:23.

⁶ Библия. Новый завет. 1 Тим., 4:4.

сказать: «Это хуже того», ибо все в свое время признано будет хорошим¹. Истина Божия, не измеряемая никакими мирскими благами, но сама является высшим критерием и мерой ценности всяких иных земных благ. «Как трудно надеющимся на богатство войти в Царство Божие», ибо «что высоко у людей, то мерзость перед Богом»². Отмечая, что земное богатство не фактор, посредством которого можно обнаружить смысл жизни каждого человека, евангелист Лука предостерегает людей от любостяжания, ибо «жизнь человека не зависит от изобилия его имени»³. Поэтому «не надо собирать сокровища для себя, а надо в Бога богатеть», ибо собирающий не с Богом, расточает и духовно разоряется⁴. Веря и сознавая, что источником праведной жизни является только Бог, а не иные люди, царь Соломон в ответ на обетование Божие говорит: «Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде, нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся от Тебя и не сказал: «кто Господь?» – «и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе»⁵. Все, что нужно человеку для осмысленной жизни – это уповать на Бога и делать добро; жить на земле и хранить истину, любить людей и проявлять милосердие к ним, все делать от души, как для Господа, а не для человеков⁶.

Во всех религиях мира духовные ценности и цели всегда ставятся несравненно выше мирских благ, которые лишь должны служить средством реализации первых. Так, в классической латыни слово «мир»(saeculum) означало «время», «век», «поколение» или «народ» в данное время, т.е. временный мир. А слово «mundus» означало пространство жизни временного мира от грехопадения Адама до Судного дня, т.е. греховное, подвергнутое наказанию, само по себе бессмысленное существование человека.

¹ Библия. Ветхий завет. Притчи Иисуса, 30: 41.

² Библия. Новый завет. Марк, 10:24.; Лука, 6:24.

³ Библия. Новый завет. Лука, 12:15.

⁴ Библия. Новый завет. Лука, 12:21; Лука, 11:23.

⁵ Библия. Новый завет. Иоанн, 5:44; Притчи, 30:7-9.

⁶ Библия. Новый завет. Псалмы, 36:1; Кол., 3:23.

В процессе секуляризации общества существенно изменились основные ценности человеческой жизни: с одной стороны, стала обесцениваться бессмертная душа и абсолютное достоинство человека, а с другой стороны, стали освящаться временные и относительные материальные вещи и право на них, например: необоснованное обожествление и узаконение неограниченного «священного» права на собственность, свободы договоров и т.д.

Огромной духовной ценностью, наряду с чистым и открытым сердцем (open heart), является также открытый разум (open mind) человека, но не только и не столько в отношении людей, сколько в отношении к Богу, к Его Слову и заповедям. Молитвенное общение человека с Богом должно сочетаться с умеренным общением человека со своими ближними ради понимания и исполнения заповедей всеобщего Отца и прославления всеобщего небесного Отечества, а не ради обезьяны, от которого якобы произошли люди, не для сплетен, не для ропота, недовольства или тоски по египетскому рабству и вкусному мясу, которое пошло у их предков из ноздрей¹.

В св. Коране насчет иерархии ценностей сказано следующее: «Не давайте своему имуществу и детям отвлекать вас от поминания Аллаха»². Опасность увлечения мирскими благами состоит в том, что, как морская вода: чем больше ее пьешь, тем больше снова испытываешь жажду и в конце концов погибаешь в этой ненасытной нескончаемой жажде, так и не добившись ее утоления и душевного успокоения. Чрезмерная забота о мирских благах напоминает музыканта, который постоянно модернизирует свои дорогостоящие инструменты, нисколько не заботясь о развитии своего музыкального дара и способности играть на них. Он, как сказано в св. Писании, собирает, отнимая у души своей, ест, но не насыщается³.

Самой же важной заботой человека является забота человека о спасении своей души и ежедневные молитвы за спасение душ других людей. Человек не может серьезно относиться к самому

¹ Библия. Ветхий завет. Числа, 11: 12-34.

² Коран. Минск. 2002. Сура 63. Лицемеры, 9/9.

³ Библия. Ветхий завет. Еккл., 14:4; Левит., 26:27.

себе и к другим людям, лишь замыкаясь в своих повседневных заботах и исполняя все социальные условности для успешной реализации своей карьеры. Как говорил Л. Н. Толстой, спасение не только в обрядах и таинствах, или в исповедании той или иной веры, но главным образом в ясном понимании смысла своей жизни. Мудрый человек не ищет изменения своего положения, потому что знает, что исполнение закона Бога – закона любви – возможно во всяком положении¹. Отмечая необходимость «измерять себя по образу Иисуса Христа, Ф. М. Достоевский призывал всех людей «верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа... и не может быть... Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной...»². Здесь речь идет не столько о биографии, сколько о личности Христа, не столько о форме и содержании сотворенных Им чудес, сколько о Его божественной сущности, освободительной и спасительной красоте и силе.

В понятии «ценность» отражается мера значимости определенной вещи или явления, которые воспринимаются человеком положительно и имеют притягательную силу для него. Истинные ценности это те ценности, что, по мнению Лейбница, «содействуют совершенству, которое содержит в себе как можно большую меру сущности и действительности»³. Именно такие ценности в первую очередь помогают людям дать должную оценку своим душевным состояниям и сделать правильный выбор своих поступков для постоянного приближения к источнику всякой сущности и к богочеловеческому достоинству. Именно вокруг таких ценностей со временем выстраиваются или перестраиваются все производные иные ценности, двигая людей в направлении истинного духа, разума и положительного опыта. К примеру, в правовой жизни людей такими формами закрепления социальных ценностей являются конституции, законы, государственные и социальные учреждения и их

¹ Толстой Л. Н. Круг чтения. В двух томах. М., 1991. Т. 2. С. 28,30.

² Селезнев Ю. Достоевский. М., 1985. С. 165.

³ Лейбниц Г. Сочинения. В четырёх томах. М., 1982–1989. Т. 3. С. 124.

функции. «Если мы найдем истинное добро, истинную задачу и смысл жизни и научимся их осуществлять, – писал С. Л. Франк о развитии социальных ценностей, – мы тем самым будем соучаствовать в творчестве истинной культуры. Но никоим образом мы не можем формировать наш идеал, нашу веру, озираясь на то, что уже признано в качестве культуры, и приспособляясь к нему»¹. Выбор каждым человеком тех или иных ценностей определяется прежде всего тем, в чем данный человек видит смысл своей личной жизни. «Вера в смысл жизни, – писал А. Камю, – всегда предполагает иерархию ценностей, выбор, наши предпочтения одного другому»². Истинные и вечные блага человека состоят в духе человека, в том, что ведет его к его освобождению и спасению. Как правильно заметил А. И. Солженицын, «из всего земного и бренного молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»³. Формирование потребностей и свобода каждого человека является той почвой, на которой произрастает главная цель и образ жизни всего общества. Только тогда, когда человек начинает чувствовать и осознавать, что ему прежде всего надо и что он любит и готов делать на протяжении всей своей жизни, он по-настоящему оценивает высшую меру своего достоинства, достоинство сотворца и добродетеля, подобного Богу. Чаще всего оно осознается теми людьми, для которых величайшим из человеческих прав является право на сохранение своего человеческого достоинства, свободного и ответственного следования своему призванию, право на творческую жизнедеятельность, на осознание смысла своей жизни, из которых вытекает все остальное. «Главное, – писал А. Печчеи, – человеческая личность, она важнее любых дел и любых идей, ибо все они без людей равным счетом ничего не значат. А главное в каждом из нас и в нашей жизни – узы любви; ведь только благодаря им наша жизнь перестает быть кратким эпизодом и обретает смысл вечности»⁴.

¹ Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 143–144.

² Камю А. Творчество и свобода. М., 1990. С. 68.

³ Солженицын А. И. Рассказы. Малое собрание сочинений в семи томах. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. М., 1991. С. 108.

⁴ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 311.

По мнению известных российских правоведов В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, «ценностью называют явление, идею или институт, действительные или воображаемые предметы, в отношении которых индивиды или социальные группы испытывают уважение, которым приписывают важную роль в своей жизни, обязанность..., ибо они обеспечивают психическое равновесие, дают удовлетворение, стремление к ним или их достижение дают чувство хорошо выполненного долга»¹.

Что же представляет собой система ценностей, в частности правомерных ценностей?

Представляется, что система правомерных ценностей представляет собой иерархическую совокупность взаимосвязанных правоохраняемых благ, объектов и правоотношений, которые выражены в виде определенных идей, целей, принципов, институтов и норм для формирования внутренней конституции людей и надлежащей ориентации и координации их поступков. Благодаря ей человек, как существо социальное (в отличие от животного, поведение которого обусловлено биологически выгодным типом реакции на внешний раздражитель или привычным подражанием) становится способным контролировать и упорядочить свои действия согласно определенным образцам и нормам человеческого поведения в определенных условиях.

О значении нравственно-правовых ценностей говорилось ещё в Ветхом завете Священного Писания: «...Мы сражаемся за души наши и законы наши»². Чтобы стать самостоятельным государством, каждая нация или народ должна пройти определенный исторический путь: пережить свою детскую невинность, осознать длящееся действие «первородного греха» и необходимость противодействия ему посредством закона, изданного со стороны единой публичной власти, т.е. государства, которое обязано политически объединить народ и под руководством «Закона законов» поощрить его стать также духовно просвещенным и зрелым народом. Для этого государство обязано во всех своих политико-

¹ Современная социология права. М., 1995. С. 122–123.

² Библия. Ветхий Завет. 1 Мак, 3; 20–21.

правовых актах руководствоваться определенной системой правомерных и конституционно закрепленных ценностей.

Истина, как духовная ценность, призвана упорядочить действие всех прочих земных ценностей. По этому поводу Ш.Монтескье сказал: «Каждый человек обязан умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины»¹. В этом случае национальное чувство, которое естественно и призвано любовно объединять и солидаризировать целый народ, не должно быть чрезмерным и быть злоупотреблено по причине житейской гордости и узколобого, квасного патриотизма во вред другим народам и действию высшей истины.

Система правовых ценностей прежде всего должна основываться на абсолютных, вечных и неизменных заповедях Бога, а не только на преходящих моментах экономической, политической и культурной жизни общества. Та или иная система ценностей зависит прежде всего от отношения того или иного народа или нации к Богу и к Его творениям, мерой осознания необходимости и полезности Его заповедей для повседневной упорядоченной жизни людей. Десакрализация и секуляризация апробированных многими веками правовых ценностей привели большинство современных государств к глубокому и затяжному социально-политическому кризису. «Я могу только свидетельствовать о том, – с искренней тревогой писал по этому поводу известный американский правовед Г. Дж. Берман, – что я, так сказать, чувствую, что мы находимся в глубоком беспрецедентном кризисе правовых ценностей и идей, в которую погружена вся наша правовая традиция, не только так называемые либеральные концепции последних столетий, но сама структура западной законности, которая берет свое начало с XI–XII веков. В XII в. право и в теории и в практике рассматривалось как более или менее взаимосвязанное целое, как *Corpus Juris*, но после оно стало представлять собой разрозненную массу противоречащих друг другу правил и судебных решений (*ad hoc*), которые объединялись лишь общей

¹ Этическая мысль. М., 1990. С. 147.

техникой. Старое метаправо было сломано и заменено цинизмом»¹. Стало быть, есть насущная необходимость вернуться к своим истинным истокам права, устранить все отправные пункты и точки лжеотсчета, чтобы изменить, реформировать и совершенствовать международно и конституционно установленную в последние века систему правовых ценностей и приоритетов, исходящих из ложной презумпции того, что в общечеловеческой жизни будто Бога нет, и что только человек и его права и свободы являются высшей ценностью в жизни людей².

В чем же состоит ценность национальной конституции и зачем она вообще нужна каждому народу и человеку?

Передовики современного правождения безоговорочно ответили бы, что конституция нужна прежде всего для закрепления и защиты прав и свобод человека и гражданина. Но тогда возникает вопрос: а для чего нужна сама гарантия прав и свобод человека? Ответ на этот вопрос выходит за пределы права и закона, т.е. имеет метаправовой, духовно-нравственный характер, которым и определяется объем, содержания и структура самой правовой системы. Представляется, что права и свободы человека при их добросовестном использовании являются необходимым, но совершенно не достаточным средством для ведения свободной, ответственной, достойной и осмысленной жизни по собственному призванию. Говорить о правах и свободах, совершенно не вникая в их смысл и целевое назначение, то же самое, что и непрерывно говорить о руках человека, но не сознавать их предназначения и не делать ими достойных для них дел. А ведь именно цели помогают нам в каждом случае определять характер, объем и содержание средств, а не наоборот. Если сами права и свободы человека имеют негосударственную природу или являются надгосударственной ценностью, то в чем же заключается их истинная природа и ценность? Ведь не по произволу же международных организаций или лидеров национальных государств определяются

¹ *Berman H.* Law and Revolution. London, 1983. P. 33, 38.

² См. Всеобщую декларацию прав человека 1948 года; международные пакты по правам человека 1966 года, статью 2 Конституции РФ.

природа, ценность и пределы прав и свобод человека. Они имеют духовное происхождение и ценность, с которыми должны соизмеряться сами, так называемые, общепризнанные международно-правовые стандарты и национально-конституционные параметры конкретного общества.

Если государственно-политические и социальные измерения и национальное значение конституции того или иного государства более или менее известны многим исследователям, то смысл и значение конституции в духовно-нравственной жизни каждого человека или народа для большинства юристов все еще остается неизведанной землей (*terra incognita*). Между тем знание их для государственно-правового строительства и обеспечения стабильного правопорядка не менее важно, ибо именно от внутреннего самоопределения и состояния каждого человека проистекает характер взаимоотношений между людьми, в особенности характер правоотношений в данном обществе. В этом аспекте, чтобы ясно представить себе искомую конституцию того или иного общества и установить соответствующий правопорядок, прежде всего необходимо установить надлежащий порядок в собственных душах, сотворять этот порядок в душах своих ближних и только после этого отразить этот духовно-психологический и нравственно-правовой порядок в соответствующем содержании, структуре и форме конституции, поскольку последняя есть не что иное, как основной закон повседневной и перспективной правовой жизни данного народа. Мера совершенства конституции как раз и будет зависеть от того, насколько успешно будет проделан этот процесс духовного и нравственного приближения людей и дел их рук к абсолютному образу и норме, из которой и проистекает идея права, свободы и ответственности, а также основание всей системы действующего законодательства.

Что же является первоосновой и отправным пунктом для любой правомерной конституции и законодательства того или иного народа? На мой взгляд, по крайней мере в христианском мире «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»¹, ибо Он есть «путь, истина и

¹ Библия. Новый завет. 1 Кор., 3:11.

жизнь», гарант реализации (посредством временного государственно-правового «детовождения») конечной цели для каждого человека и всего человечества – духовного просвещения, освобождения и спасения каждого верующего в Него в вечной жизни. Если конституция, как основное государственно-правовое, относительное, пространственно-временное средство, противоречит этой абсолютной, вневременной и бесконечной цели, то она не может в целом считаться правомерной и целесообразной. Во все не случайно многие «...современные конституции содержат традиционные христианские культурные ценности, интерпретированные в духе новых политических и социальных реалий. В преамбулах многих конституций содержится обращение к Богу, что подчеркивает особое значение этого акта и вместе с тем свидетельствует об иерархии авторитетов в данном обществе»¹.

Оригинальная, т.е. исходящая из первоначального замысла Творца, совершенная конституция должна основываться на богообразной духовной конституции каждого народа и составляющих его граждан, на складе и силе их духа, души, природы и иных особенностях их жизни. Чтобы быть действенной, такая конституция должна быть пропитана любовью к Богу, к своим ближним и дальним, поскольку именно любовь есть целесообразное исполнение закона². Только такая конституция может получить право на долговечную жизнь, стать причиной и гарантией свободного и ответственного принятия правомерных решений на всех уровнях социальных правоотношений, гарантией прочного и стабильного правопорядка, в котором все созданное Богом есть благо (*omne ens est bonum*).

Конституция есть не что иное, как законодательное выражение духовно-композиционного единства каждого конкретного народа, единства его веры и языка, мировоззрения и жизненного опыта, а также вытекающей из них системы правовых ценностей, целей, принципов, институтов и функций, которые глубоко осознаны и официально признаны публичной властью и населением в

¹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 1996, С. 93.

² Библия. Новый завет. 2 Иоанн, 13: 18; Рим., 13:10.

качестве надлежащего правопорядка и практических примеров поведения, реализуемых в повседневной жизни. Любая конституция есть мировоззренческий документ, который должен оказать существенное влияние на духовную, нравственную и политико-правовую жизнь данного общества. Поэтому она имеет на себе печать меры его традиционной веры, научно-образовательного, идеологического, правосознательного и культурного уровня. Нередко кое-какие из перечисленных факторов по тем или иным причинам могут иметь ведущий или доминирующий характер и влияние на содержание и форму конституции: либо религия, либо идеология, либо та или иная научная доктрина, модная потребность или интерес и т.д., которые в своей совокупности ориентируют людей на определенные ценности, цели, психологическую установку или темпы жизнедеятельности.

Одним из признаков правомерности конституции является ощущение постоянного присутствия Бога во всех ее положениях, особенно в ее преамбуле и начальных статьях, ответственности каждого и всех перед Создателем и друг другом. А это означает, что каждая традиционная религия должна быть конституционно закреплена в качестве государственной, или по крайней мере традиционной для данного народа. К великому сожалению, во многих современных конституциях установлен совершенно противоположный подход, при котором любая религия признается лишь частным делом каждого, но не государства и общества, даже тогда, когда большая часть народа является носителем традиционной религии. Любопытно то, что именно в этих конституциях национальный язык, т.е. звуковое и буквенное средство личного, локального или регионального общения, как правило, законодательно возводится в ранг общезначимой, правоохраняемой ценности, в ранг государственного языка, а религия, как несравненно более важное и основное средство универсального, духовного общения, из которого исходят и которому подчинены все национально-государственные языки мира, тенденциозно и неправомерно вытесняется на задворки государственно-правовой и социальной жизни. Ведь любой национально-государственный язык, как нечто данное каждому народу свыше и развиваемое им исто-

рически, есть лишь тень, следующая за истинной верой, и потому предназначен стать и оставаться средством передачи людям света вечных ценностей и норм жизни, выработанных самой религией. Однако получается, что языковые знаки и буквенные символы имеют большее значение для общества, нежели животворящий дух и содержание тех ценностных реалий, которые обслуживаются данными символами. Получается, что форма (язык межчеловеческого общения) ценится выше, нежели обслуживаемые ею дух и содержание чего-то (религия, нравственность, право). Конституция не должна оказать больше предпочтения слугам, нежели самим хозяевам, т.е. рассматривать вещи задом наперед. Напротив, те вещи, посредством которых закладываются основы личной и общественной жизни, должны получить очевидное ценностное первенство в тексте конституции. Именно традиционная религия посредством конституции должна представить социально значимые образы и стили человеческой жизни во всех ее проявлениях. Например, иудейская религия призвана настраивать людей на послушание и строгое исполнение букв установленного закона; индуистская и буддистская религии настраивает людей на выход из системы мирских ценностей для погружения в нирвану; конфуцианская и даосистская религии дает направление на приспособление мира к законам небесной гармонии; христианская конституция призвана готовить людей к способности осмыслить невидимые, но проявляющиеся и постоянно действующие реальности богоданного мира, к восприятию всепобеждающей любви и веры в возможность духовного просвещения, освобождения и спасения в вечной жизни посредством истины.

Что касается всех прочих атеистических или политеистических (языческих) идеологий и теорий, то все они основаны на ограниченном человеческом разуме и суеверном опыте, и потому относительно и недостаточны для совершенной личной и социальной жизни, ибо во главу угла человеческой жизни они в орнаментированной форме ставят прелести бытового эгоизма, профессионального соперничества и бешено возрастающего мирско-

го удовольствия¹. О таких безбожных социальных системах в Священном Писании говорится следующее: «Рассею их, и изгладжу из среды людей память о них, ибо они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла. О, если бы они рассудили, подумали о сем, уразумели, что с ними будет!»²

Разница между конституцией и обыкновенными законами заключается в том, что в конституциях обычно закрепляется по возможности более или менее непреходящие или по крайней мере долговременные ценности, цели и принципы, а в законах устанавливаются в основном более или менее устоявшиеся потребности и особенности жизни данного народа. Именно поэтому положения конституции гораздо труднее должны поддаваться изменениям, нежели положения обыкновенных законов или подзаконных актов, которые служат средством для приведения конституции в действие в тех или иных постоянно изменяющихся обстоятельствах и условиях жизни.

Конституция по возможности должна отражать в себе, помимо императивных истин и «совершенных законов свободы», также реальный и правомерный расклад общества, соотношение и взаимодействие имеющихся в нем культурно-политических структур и сил. В свое время известный немецкий правовед Г. Еллинек отмечал, что конституция есть «договор во исполнение заповедей и воли Божией, которая является навсегда коренной, последней правовой основой общежития»³. В этом смысле, какова вера народа, такова и мера его права, масштаб правосознания и критерии правомерности, посредством которых должна и разрабатываться его конституция и вся система действующего законодательства. Поэтому при разработке искомой национальной конституции не следует чрезмерно увлекаться искусством достижения социальных компромиссов и политических сделок между различными политическими силами общества против воли

¹ Библия. Новый завет. Матф., 4:8-9; Иоанн., 12:31; 14:30; 18:36; Ефес., 2:2; 6:12; 1 Иоанн., 2:15-17.

² Библия. Ветхий завет. Втор., 32: 26-29.

³ Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. М., 1906. С. 47.

и заповедей Бога и во вред единому и созидательному духу народа. Не стоит также посредством обещаний о повышении материального благосостояния соблазнять народ «мыслями о земном», обманывая, что на месте сегодняшней фиалки завтра обязательно вырастет благоуханная и желанная роза. В противном случае такая «конституция», как плод греха и заблуждения, станет в конечном счете «яблоком раздора» не только между бродящими в обществе политическими силами, но и между введенными в заблуждение и соперничество различными слоями населения, которое перестанет быть единым народом. При этом конституционно декларированный принцип единства и солидарности нации потеряет свою ценность и силу, либо будет иметь деструктивный эффект, как это не раз случалось в тоталитарных государствах.

Библиографический список:

1. *Златоуст Иоанн*. Избранные творения. Беседы о Евангелии от Иоанна Божьего слова. В двух томах, М., 1993. Книга 1.
2. *Августин*. О граде Божием. Минск-Москва, 2000.
3. *Кант И.* Сочинения. В шести томах. М., 1963–1966. Т. 4(1).
4. *Толстой Л. Н.* Круг чтения. В двух томах. М., 1991. Т. 2.
5. *Селезнев Ю.* Достоевский. М., 1985.
6. *Лейбниц Г.* Сочинения. В четырёх томах. М., 1982–1989. Т. 3.
7. *Франк С. Л.* Сочинения. М., 1990.
8. *Камю А.* Творчество и свобода. М., 1990.
9. *Солженицын А. И.* Рассказы. Малое собрание сочинений в семи томах. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. М., 1991.
10. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.
11. Современная социология права. М., 1995.
12. Этическая мысль. М., 1990.
13. *Vertan H.* Law and Revolution. London, 1983.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 1996.
15. *Еллинек Г.* Декларация прав человека и гражданина. М., 1906.

Презумпции знания уголовного закона и его реализация

презумпция; уголовный закон; применение; условие; фактор; реализация; направление; потенциал; доступность; порядок; обнародование; сила; форма; преступление

П. Н. Панченко

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде, академик РАЕН, член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации

Каждому известно неписаное правило, состоящее в том, что незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. С учетом его законодатель на конституционном уровне предусмотрел положение, согласно которому законы подлежат официальному опубликованию, а неопубликованные законы не применяются (п. 3 ст. 15 Конституции РФ). Таким образом, законодатель исходит из того, что знание законов является обязательным условием их применения, то есть – из *презумпции* знания их гражданами.

Но знание законов, на которое рассчитывает (или, по крайней мере, должен рассчитывать) принимающий их законодатель (иначе зачем, спрашивается, государству вообще их принимать – действуй так, как «нужно» и... «все будет в порядке»), является *не только* обязательным условием их применения, *но еще и* важным фактором их реализации по всем другим направлениям, в том числе по направлениям их соблюдения, исполнения, а также использования предусмотренных ими дозволений. И чем выше

уровень осведомленности граждан о тех законах, которые принимаются в стране, тем выше и уровень их реализации. Говоря другими словами, полнота и глубина знания законов гражданами *существенно* способствуют повышению уровня их реализации, то есть более быстрому и качественному достижению их целей, задач, намерений, более эффективной их реализации.

С этим связана проблема превращения презумпции знания законов в фактор повышения уровня их реализации, степени их эффективности. Но каковы конкретно направления данной работы и в чем их суть? Ответы на эти вопросы и составляют цель и содержание настоящей статьи.

1. Обоснование направлений превращения презумпции знания закона в фактор его эффективной реализации

Зная закон, его запреты, санкции, дозволения, а также то, как реально действует закон, что, образно говоря, он «дает» человеку – в случае его соблюдения и исполнения, использования предусмотренных им дозволений, и что «берет» у него – в случае его нарушения, люди в подавляющем своем большинстве *соблюдают и исполняют его, используют предусмотренные им дозволения*. Те же, кто в той или иной ситуации заступает за черту дозволенного, перешагивает установленные законом преграды в виде запретов и санкций и в связи с этим привлекается к соответствующей ответственности, непредусмотрительно игнорирует установленные законом дозволения, по логике вещей, должны вести себя впредь более благопристойно, а именно законопослушно. Во всяком случае, те из них, которые пренебрегают запретами и санкциями, становясь как бы, «мечеными», оказываются под более пристальным правовым контролем. И это хорошо все знают, а поэтому каждый «меченный» остерегается вновь «засветиться». Ведь у нас не принято, как гласит народная мудрость, наступать на одни и те же грабли. Да и тот, кто вообще никогда не совершал никакого правонарушения, зная, «чем все это кончается», становится более внимательными к требованиям закона. На жизненном опыте он уяснил ту простую истину, что лучше учиться на ошибках других, чем на своих.